

ВЫЖИТЬ

Сесилия Суарез

18+

Сесилия Суарез

Выкуп

«Автор»

2026

Суарез С.

Выкуп / С. Суарез — «Автор», 2026

«Соня. Ты лежишь на своем похитителе, как на ортопедическом матрасе премиум-класса. У тебя шок. Стресс. Это не влечение. Это эволюционный механизм — прижаться к самому сильному самцу в пещере, чтобы не сожрал саблезубый тигр». Эволюция, впрочем, не объясняла, почему ее бедра слегка поерзывали, устраиваясь поудобнее, и почему каждое его дыхание, щекочущее волоски на ее затылке, отзывалось тянущей болью внизу живота. Она осторожно попыталась отодвинуться. Мышцы под его смуглой кожей напряглись. — Лежи смирно, — пробормотал он ей в макушку. Голос сна был хриплым, низким, вибрирующим прямо в ее позвоночник. — Дай мне еще пять минут. Я не спал так хорошо лет десять. Он — жестокий похититель, не знающий пощады. Я — дерзкая дочка мэра, привыкшая к золотой клетке. Он похитил меня по заказу врага, но узнал во мне девочку, которая спасла ему жизнь одиннадцать лет назад. Теперь, чтобы сохранить мне жизнь, он должен похоронить меня заживо.

© Суарез С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. У библиотеки пахнет ванилью и смертью	5
Глава 2. О вреде диетического печенья и пользе фальшивых похорон	8
Глава 3. О стокгольмском синдроме	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сесилия Суарез

Выкуп

Глава 1. У библиотеки пахнет ванилью и смертью

У библиотеки имени Некрасова пахло ванилью из соседней кофейни и старой бумагой. Соня Филина, балансируя стопкой книг по урбанистике у подбородка, искренне считала, что единственная опасность, подстерегающая ее этим вечером, — это штраф за просроченный томик Ремарка. Наивность дочери мэра, привитая частной школой и отсутствием контакта с реальностью за пределами Золотой Мили, была почти клинической.

Отец, разумеется, приставил к ней охрану. Два амбала в серых костюмах маячили у входа, старательно изображая любителей архитектурных излишеств сталинского ампира. Но Соня была не просто дочкой мэра. Она была дочкой хитрого мэра, который с детства учил ее: «Хочешь жить спокойно — умей прятаться на виду». У нее был проверенный ритуал: войти через центральные двери, выйти через служебный вход для персонала в переулке, пока охранники лениво пялятся в телефоны, ожидая ее у парадного крыльца. Двадцать минут свободы до того, как они поднимут тревогу. Двадцать минут, чтобы вдохнуть воздух, не отфильтрованный политтехнологами.

В переулке пахло мокрым асфальтом и немного мусорными баками, но Соню это не смущало. Она сделала глубокий вдох и улыбнулась серому московскому небу. «Маленькая победа, Сонька. Ты снова сделала папу седым на пару волосков».

Именно в этот момент, когда она нашаривала в сумке наушники, реальность решила напомнить о себе самым бесцеремонным образом.

Тень упала на нее раньше, чем звук шагов. Огромная, занимающая собой все пространство арки, отрезающая путь к свету фонаря. Соня даже не успела испугаться — сначала пришло возмущение. Ну серьезно? В двух шагах от Кремля? У них совсем нет уважения к субординации?

— Только пикни, и твой отец узнает, какого цвета у тебя кровь на асфальте, — голос прозвучал низко, тихо.

Чужая ладонь — горячая, шершавая, с твердыми мозолями у основания пальцев — зажала ей рот. Не грубо, чтобы сломать челюсть, а с расчетливой точностью профессионала: перекрыть доступ воздуха ровно настолько, чтобы подавить крик, но оставить возможность дышать носом. Пахло от ладони соляной и кофе. И еще чем-то... мужским, звериным, от чего волоски на затылке Сони встали дыбом не только от ужаса.

Второй рукой он прижал ее спиной к своей груди. Твердой, как гранитная плита. Соня замычала в ладонь, выронив книги. «Архитектурная среда мегаполиса» шлепнулась в лужу. Очень символично.

— Тихо, — шепнул он ей в самое ухо, и от горячего дыхания по шее побежали мурашки. Мурашки! У нее! В процессе похищения! «Великолепно, Соня. Твои гормоны решили устроить вечеринку в честь конца света».

Ее запихнули в фургон без окон. Не бросили, не ударили головой о косяк, а именно запихнули — аккуратно, но неумолимо, словно громоздкий антикварный комод. На голову натянули плотный черный мешок. Воняло пластиком и чьим-то давно выветрившимся парфюмом. Соня чихнула.

— Будь здорова, — раздался тот же низкий голос откуда-то спереди, из водительского отсека.

— Спасибо, — автоматически отозвалась Соня, и тут же мысленно дала себе подзатыльник. «Тебя похитили, дура! А ты ведешь светскую беседу!»

Машина тронулась плавно, без рывков. Соня сидела на чем-то, напоминающем кожаное сиденье, пристегнутая. Ремень безопасности. Похититель пристегнул ее ремнем безопасности. Абсурдность ситуации достигла такого градуса, что истерика отступила, уступив место любопытству пополам с черным юмором.

— Прошу прощения, — подала она голос, стараясь, чтобы он звучал твердо, хотя зубы предательски постукивали. — Я понимаю, что график у вас, наверное, плотный, но не могли бы вы озвучить цель нашего маленького корпоратива? Это из-за поправок к бюджету? Если да, то папа тут ни при чем, это все дядя Гриша, у него пунктик на озеленение.

В ответ — тишина. Только ровный гул мотора.

— Молчание — знак согласия? — не унималась Соня. — Или вы просто не уполномочены вести переговоры? Я могу подождать менеджера высшего звена. У вас есть форма обратной связи? Я могу написать развернутый отзыв. Ой, простите, бумаги у меня с собой нет, руки связаны. В прямом смысле.

— Заткнись, — коротко бросил голос. Но в нем не было злобы. Скорее, усталое недоумение. Как у человека, который заказал тишину, а получил радиоприемник с болтливым диджеем.

Соня заткнулась. Но ненадолго.

— А можно вопрос не по существу? — пискнула она через пару минут. — А вы меня кормить будете? У меня низкий сахар, я могу упасть в обморок. В прошлый раз, когда я упала в обморок в опере, папа чуть не объявил войну Большому театру. Вам нужна международная огласка?

Впереди что-то звякнуло. Кажется, он уронил термос.

— Боже мой, — пробормотал он едва слышно. — У меня в салоне не дочь мэра, а стендап-комик.

Это прозвучало так по-человечески, так обреченно, что Соня, несмотря на мешок на голове и ужас положения, едва не хихикнула.

Фургон остановился. Хлопнула водительская дверь. Через несколько секунд открылась боковая, и сильные руки вытащили ее наружу. Ее провели по какому-то гулкому коридору, пахнущему сыростью и железом, потом вниз по ступенькам. Эхо шагов звучало гулко, как в подземелье. «Отлично. Бункер. Маньяк со вкусом. Надеюсь, тут хотя бы вай-фай есть».

Ее усадили на что-то мягкое — диван? — и наконец сдернули мешок с головы.

Соня зажмурилась от яркого света одинокой лампочки под потолком, а когда открыла глаза...

Первое, что она увидела, — глаза. Стальные, с тяжелыми веками, смотрящие на нее в упор с выражением, от которого перехватило дыхание. Это не был взгляд насильника или убийцы. Это был взгляд человека, увидевшего привидение. Ошеломленный. Почти испуганный.

Он стоял перед ней на корточках. Огромный. В черной водолазке, обтягивающей широкие плечи и мускулистые руки с вздувшимися венами. Лицо грубой лепки, сломанный нос, жесткая щетина. Но в этих стальных глазах плескалось что-то до боли знакомое. И когда он медленно поднес свою ладонь к ее лицу и стер большим пальцем грязь с ее скулы, Соня вдруг вспомнила.

Дождь. Подворотня возле ее старого дома. Ей четырнадцать, она возвращается с музыки, с флейтой в чехле за спиной. Полицейские с автоматами, крики: «Стоять! Стрелять буду!» И парень — нет, уже мужчина, но молодой, отчаянный, с разбитой губой — мечется между мусорными баками. Она дергает его за рукав грязной куртки и шипит: «Сюда! У ларька есть

тропинка!» Она затаскивает его за ларек. Он смотрит на нее секунду, а потом исчезает в темноте парка, даже не поблагодарив.

Одиннадцать лет.

— Это ты, — выдохнула Соня, не веря своим глазам. — Тот самый парень с разбитой губой, про которого я соврала ментам. Ох, ничего себе у тебя карьерный рост. Из беглеца в похитители. Впечатляет. Мама бы гордилась.

— Яр, — короткое имя, как удар хлыста. Сказал и замер. Его ладонь, все еще касающаяся ее щеки, дрогнула. — Ты... помнишь?

Голос его сел, став глухим и, кажется, еще ниже.

— Конечно, помню, — фыркнула Соня, хотя внутри все дрожало от переизбытка адреналина и эмоций. — Я тогда получила тройку по сольфеджио, потому что перенервничала из-за тебя. Всю жизнь мечтала спросить: оно того стоило? Ты хоть оторвался от погони или тебя потом поймали на выходе из парка?

Он не ответил. Он просто смотрел на нее, и в его глазах рушились какие-то невидимые стены. Соня видела, как напряглись желваки на его скулах.

— План меняется, — сказал он, наконец, поднимаясь во весь свой гигантский рост и отходя к металлическому столу. — Ты не поедешь к заказчику.

— Да? — Соня поерзала на диване, пытаясь принять более удобную позу со связанными за спиной руками. — А куда мы поедем? В Диснейленд? Или у тебя абонемент в спа-салон для пленниц?

Яр обернулся. И впервые за вечер в его глазах мелькнуло что-то похожее на смех. Нет, не улыбка. Скорее, тень улыбки в уголках жестких губ.

— Ты невыносима, Соня Филина, — сказал он, и это прозвучало почти как комплимент.

— Я знаю, — скромно потупилась она. — Это мой единственный недостаток. Ну, и еще то, что я не умею готовить оливье.

Он отвернулся к столу, загремел какими-то железками. Соня смотрела на его широкую спину, на то, как перекачиваются мышцы под тонкой тканью водолазки, и думала, что жизнь — удивительно идиотская штука. Тебя похищает мрачный гигант с глазами цвета штормового моря, а ты сидишь и гадаешь: кончится это все некрологом в газете «Ведомости» или первым за много лет приключением, от которого уже захватывает дух?

— Ты случайно не знаешь, — снова подала она голос, — у тебя тут случайно нет пледа? А то я замерзла. И еще... если можно, я бы предпочла умереть под саундтрек из «Великого Гэтсби». В конце концов, папа у меня мэр, надо уходить красиво.

Яр застыл с каким-то прибором в руках. Потом медленно, словно сомневаясь в собственном рассудке, снял со стула черный свитер грубой вязки и накинул ей на плечи. Свитер пах им — соляжкой, кофе и безопасностью. И это было самым странным и самым волнующим ощущением за весь вечер.

— Заткнись, Соня, — сказал он беззлобно, почти нежно. — И слушай сюда. Чтобы спасти твою болтливую жизнь, нам придется ее закончить. Официально. Я сделаю так, что завтра утром весь город будет считать тебя покойницей.

Соня моргнула. А потом ее губы растянулись в медленной, почти безумной улыбке.

— Я буду устраивать свои похороны? — переспросила она с искренним любопытством. — А можно мне будет выбрать цветы? Терпеть не могу гвоздики. Только белые розы. И чтобы оркестр. И обязательно фуршет. И...

Яр закрыл глаза и глубоко вздохнул. Где-то глубоко в его груди зародилось чувство, что он похитил не дочку мэра. Он похитил стихийное бедствие. И это бедствие, кажется, только начинало входить во вкус.

Глава 2. О вреде диетического печенья и пользе фальшивых похорон

Бункер оказался на удивление уютным — если, конечно, можно назвать уютным бетонную коробку на глубине пяти метров под землей, оборудованную с параноидальной заботой человека, который ждет конца света, но не хочет отказываться от кофе.

Соня сидела на продавленном, но чистом диване цвета хаки, завернувшись в его свитер, как в кокон. Шерсть пахла соляркой, кофе и им. Этот запах действовал на нее странно — не раздражал, а успокаивал. Что было совершенно ненормально для жертвы похищения. «Надо будет обсудить это с психотерапевтом. Если доживу».

Яр возился у металлического стеллажа, звеня какими-то железками. Его движения были скупыми, точными, без суеты. Он двигался, как большой хищник в клетке — экономил энергию, но в любой момент готов взорваться действием. Соня наблюдала за ним, пользуясь тем, что он не смотрит. Широкие плечи, узкие бедра, тяжелая поступь. Задница в черных тактических штанах выглядела так, словно он приседал с вагонами, груженными чугуном.

— Ты пялишься, — сказал он, не оборачиваясь.

— Изучаю обстановку, — парировала Соня. — Вдруг ты маньяк-расчленитель. У вас, у маньяков, должны быть характерные улики. Бочки с кислотой, например. Или коллекция ногтей в баночках.

Он повернулся. В руке он держал галетное печенье и банку тушенки. Выражение его лица было сложным — смесь раздражения и недоверия к собственному терпению.

— У меня нет бочек с кислотой.

— А ногти? Или может обрезки волос?

— И ногтей нет. И волос нет.

— Скучно ты живешь, — вздохнула Соня. — Никакой фантазии.

Яр подошел и бросил пачку галет ей на колени. Потом, помедлив, сел на корточки перед ней и начал вскрывать тушенку охотничьим ножом. Лезвие блеснуло в тусклом свете. Соня проследила взглядом за движением его пальцев — длинных, с грубыми костяшками и коротко подстриженными ногтями. Руки человека, который привык работать. Или душить.

— Ты всегда такая? — спросил он, не глядя на нее.

— Какая?

— Болтливая. Неуместная. Словно тебя не похитили, а привезли на экскурсию в бомбоубежище.

Соня задумалась. Потом пожала плечами.

— Знаешь, когда всю жизнь проводишь в золотой клетке, где каждое твое слово взвешивают и оценивают на предмет политических последствий, похищение — это почти отпуск. Здесь хотя бы можно материться. Или ты против мата?

— Я против глупых смертей, — отрезал он, протягивая ей вскрытую банку и пластиковую ложку. — Ешь.

Он развязал ей руки.

Соня взяла банку, стараясь не коснуться его пальцев. Не потому, что боялась. А потому, что хотела коснуться слишком сильно. И это ее пугало больше, чем бункер.

— А ты? — спросила она.

— Я позже.

— То есть ты будешь сидеть и смотреть, как я ем тушенку с галетами, как голодный пес? Это какая-то новая форма пытки? Моральная?

Яр снова посмотрел на нее этим своим тяжелым, стальным взглядом. В тусклом свете его глаза казались почти черными, но Соня уже знала — на самом деле они цвета грозового неба.

— Ты слишком много говоришь, Соня Филина.

— А ты слишком мало, — она отломилла кусочек галеты и демонстративно макнула в тушенку. — Вот скажи, Яр. Я тебе жизнь спасла одиннадцать лет назад. А ты меня похитил. Это, по-твоему, благодарность? Где цветы? Где открытка «спасибо, что не сдала ментам»?

Он молчал. Но кончики его ушей — Соня готова была поклясться — слегка порозовели.

— Я не знал, что это ты, — сказал он наконец глухо. — Когда брал заказ.

— А когда узнал?

— Когда снял мешок.

Соня перестала жевать. Что-то в его голосе — не грубость, а какая-то надломленная хрипотца — заставило ее сердце сжаться.

— И что ты почувствовал? — спросила она тихо, сама не зная, зачем.

Он поднялся. Отошел к столу. Спина напряжена, лопатки проступают даже сквозь водолазку.

— Злость, — бросил он через плечо. — На себя. На заказчика. На весь этот гребаный мир, в котором я должен выбирать между долгом и... — он осекся.

— И? — подсказала Соня, затаив дыхание.

— И тобой, — закончил он почти шепотом, и это признание повисло в воздухе бункера, как запах пороха после выстрела.

Тишина зазвенела. Соня смотрела на его напряженную спину, и внутри нее что-то медленно, опасно таяло.

— Ты серьезно? — выдохнула она. — Долг и я? Мы знакомы от силы три часа, из которых два я просидела в мешке, а один ем тушенку. Это какой-то синдром утенка? Ты меня вылупил из багажника — и теперь я твоя мама?

Он резко развернулся. Два шага — и он снова перед ней, нависает скалой, уперев руки по бокам от ее плеч в спинку дивана. Его лицо в сантиметре от ее. Горячее дыхание обжигает губы.

— Ты не понимаешь, — прорычал он. — Я искал тебя. Одиннадцать лет. Я знал только, что тебе было около одиннадцати, что ты живешь где-то в центре и играешь на флейте. Я перерыл все музыкальные школы Москвы. Я хотел просто... увидеть. Убедиться, что у тебя все хорошо. Что та девочка, которая соврала ментам ради незнакомого отморозка, выросла счастливой.

Его глаза горели. Желваки ходили ходуном. Соня забыла, как дышать.

— А нашел — в папке с заказом на похищение, — закончил он горько. — С припиской «товар высшей категории, не повредить лицо». Ты понимаешь, что я почувствовал?

Соня сглотнула. Ее губы пересохла. Она облизала их — машинально, нервно, — и увидела, как его взгляд упал на ее рот и замер. Зрачки расширились, поглощая сталь радужки.

— И что ты теперь будешь делать? — спросила она севшим голосом.

— Спасать тебя, — сказал он просто. — Даже если ты сама этого не хочешь.

— Я хочу, — выпалила Соня быстрее, чем подумала. — То есть... я хочу жить. И желательно не в бочке с кислотой. Но есть нюанс.

— Какой?

— Ты обещал мне фальшивые похороны. И я хочу, чтобы они были эпичными.

Яр моргнул. А потом — впервые с момента их встречи — его губы дрогнули в чем-то, отдаленно напоминающем улыбку. Кривую, усталую, но настоящую.

— Ты невозможна, — выдохнул он.

— Зато нескучно, — согласилась Соня. — Признайся, когда ты последний раз смеялся?

Он задумался. Потом сел рядом с ней на диван — тяжело, устало, словно гора с плеч. Плечо к плечу. Даже через три слоя ткани (его водолазка, ее тонкая блузка под его свитером) она чувствовала жар его тела. Он был горячим, как печка.

— Не помню, — признался он. — Может, никогда.

— Это печально, Яр. Очень печально. Хочешь, я расскажу тебе анекдот про мэра, прокурора и осла на выборах?

— Нет.

— Зря. Он смешной. Там еще мой папа фигурирует. Ну, в переносном смысле. Или в прямом. Сложно сказать.

Яр закрыл глаза и уронил голову на спинку дивана. Его профиль в полумраке был резким, словно вырезанным из камня — сломанный нос, твердый подбородок, темные ресницы, отбрасывающие тени на скулы. Соня смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается тепло — опасное, липкое, сладкое. «Так, Соня. Соберись. Он похититель. Уголовник. Человек, который завтра будет инсценировать твою смерть. Не время для влажных фантазий».

Но ее тело, предательское, как всегда, думало иначе. Она чувствовала его жар кожей. Слышала его дыхание — ровное, глубокое. И отчаянно хотела прикоснуться.

— Ты устал, — сказала она тихо. — Иди спать. Я обещаю не сбегать. Тут все равно бежать некуда, одни бетонные стены и твои банки с тушенкой.

Он открыл глаза и повернул голову к ней. Их лица оказались слишком близко. Она видела каждую ресничку, каждую пору на его коже, маленький шрам над бровью.

— Кровать одна, — сказал он.

— В смысле?

— В бункере одна кровать. Я сплю на полу.

Соня возмущенно выпрямилась.

— Нет уж! Ты гигант два метра ростом, а я маленькая. Это я должна спать на полу! И вообще, это твой бункер, ты не должен страдать за свое гостеприимство.

— Ты — моя гостя. Пусть и невольная. Гость спит на кровати.

— А ты на холодном бетоне? Чтобы завтра заболеть и не смочь меня защищать? Очень предусмотрительно, Яр. Просто гениальная стратегия.

Он смотрел на нее с тем самым выражением «я-похитил-стихийное-бедствие», которое уже становилось привычным.

— Что ты предлагаешь? — спросил он с подозрением.

Соня набрала побольше воздуха. Ее сердце колотилось где-то в горле.

— Кровать широкая, — сказала она, глядя в стену. — Мы взрослые люди. У нас стрессовая ситуация. Ничего такого. Просто сон. Параллельно. Как бревна.

— Как бревна, — повторил он.

— Именно. У меня даже есть опыт. Я в детстве спала с плюшевым медведем. Ты примерно такого же размера.

— Ты сейчас сравнила меня с плюшевым медведем.

— Ну... он был коричневый. А ты больше серый. Как волк. Но суть та же.

Яр снова закрыл глаза. Его губы беззвучно шевелились — кажется, он считал до десяти. Или молился. Или и то, и другое.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но если ты будешь болтать во сне, я тебя придушу. Молча.

— Договорились, — просияла Соня. — Я буду храпеть молча.

Через пятнадцать минут, когда свет в бункере погас и остался только тусклый аварийный огонек над дверью, они лежали на разложенном диване, укрытые одним колючим армейским одеялом. Спиной к спине. Соня чувствовала каждое его движение, каждый вздох. Его спина

была горячей, твердой, как батарея. Она лежала, замерев, боясь пошевелиться, и слушала его дыхание.

Оно было неровным. Он тоже не спал.

— Яр, — прошептала она в темноту.

— М-м-м? — отозвался он низким, грудным звуком, от которого по ее позвоночнику пробежала дрожь.

— А у тебя есть девушка? Ну, там... жена? Невеста? Боевая подруга с автоматом?

Пауза.

— Нет.

— А почему?

Снова пауза. Долгая.

— Потому что я не умею... быть с кем-то. Я привык быть один.

Соня проглотила комок в горле. Ей вдруг стало невыносимо грустно за этого огромного, жесткого мужчину, который не умеет быть с кем-то.

— Это неправда, — сказала она тихо. — Ты умеешь. Ты просто боишься.

Он ничего не ответил. Но его спина напряглась еще сильнее.

Соня медленно, очень медленно, повернулась. Одеяло зашуршало. Она коснулась его плеча — сначала кончиками пальцев, потом всей ладонью. Мышцы под водолазкой были каменными.

— Яр, — позвала она снова. — Повернись ко мне. Пожалуйста.

Он не двигался. Секунда. Две. Пять.

А потом он повернулся. Резко, одним хищным движением, и вдруг она оказалась прижатой к его груди, а его рука легла на ее талию — тяжелая, горячая, властная. Его лицо было так близко, что она чувствовала его дыхание на своих губах. Глаза в темноте казались бездонными.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — прошептал он хрипло. — Я не тот человек, с которым можно просто «спать как бревна». Я опасен, Соня. Я могу сломать тебя. Даже не желая этого.

Ее сердце билось так громко, что, казалось, он должен его слышать. Но страха не было. Было что-то другое — горячее, тягучее, заставляющее ее податься вперед, сокращая и без того ничтожное расстояние между их губами.

— А я не такая хрупкая, как кажусь, — выдохнула она. — Я дочь мэра. Я выжила в политических интригах. Переживу и тебя.

Его рука на ее талии сжалась. Он смотрел на ее губы. Она видела, как дергается кадык на его шее. Война внутри него была почти осязаемой.

— Спи, — приказал он наконец, и голос его был грубым, срывающимся. — У тебя скоро похороны.

Она закрыла глаза, уткнувшись носом в его горячую шею, вдыхая его запах: соль, кофе, мужчина, и впервые за много лет уснула без снотворного. В руках своего похитителя. Как в самом безопасном месте на земле.

Глава 3. О стокгольмском синдроме

Проснулась Соня от того, что ей было жарко. Не просто тепло — а адски, неприлично, влажно жарко, словно она уснула в сауне, забыв снять свитер. Но свитер она стянула ночью, как и платье, откинув на пол. Надеялась проснуться раньше него и одеться. Она попыталась пошевелиться и обнаружила, что не может. Что-то тяжелое и горячее придавило ее к матрасу, обхватив поперек живота и закинув ногу на ее бедра.

«Ох», — подумала она, окончательно просыпаясь.

Это была нога Яра. Тяжелая, мускулистая, в одних боксерах (видно, он тоже разделся от жары ночью), и она лежала на ней так, словно он боялся, что Соня испарится за ночь. Его рука покоилась у нее под грудью, ладонь плоско прижималась к ребрам, а большой палец касался нижней чашечки лифчика. Ее собственное тело предательски вжалось в него, ягодицами ощущая каждую твердую линию его таза.

«Соня. Ты лежишь на своем похитителе, как на ортопедическом матрасе премиум-класса. У тебя шок. Стресс. Это не влечение. Это эволюционный механизм — прижаться к самому сильному самцу в пещере, чтобы не сожрал саблезубый тигр».

Эволюция, впрочем, не объясняла, почему ее бедра слегка поерзывали, устраиваясь поудобнее, и почему каждое его дыхание, щекочущее волоски на ее затылке, отзывалось тянущей болью внизу живота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.